

Принято считать, что ростки раскола появились в Соловецком монастыре в 1636 году, когда патриарх Никон прислал в обитель исправленные богослужебные книги. Монахи, даже не заглянув в книги, запечатали их в сундуки и поставили в монастырскую оружейную палату. Однако всё началось гораздо раньше, и причины у соловецкого бунта были не только религиозного, но и экономического, и политического характера.

Приморский север России – владения старого Новгорода, издревле склонного не подчиняться приказам из Москвы. Центр северного монашества – Соловки. Ещё до ухода Никона с патриаршества Соловецкий иноческий собор, возглавляемый игуменом Илией, составил приговор (8-го июня 1658 г.) о непринятии новых книг, на который Москва никак не отреагировала. Преемник скончавшегося игумена Илии, Варфоломей, поставлен был на игуменство в Москве в 1660 г., и Москва дала понять соловецкому игумену, что его монастырская братия стоит на опасном пути.

В 1661 г. государем Алексеем Михайловичем была совершена ошибка: он сослал на Соловки большие партии раскольников и беглых московских стрельцов, которые усилили бунтовские настроения среди монахов.

В 1663 г., перед поездкой Варфоломея в Москву, братия связала своего игумена приговором: не принимать в Москве никаких «нововводных чинов». В 1666-м Варфоломей прибыл на Большой Московский Собор с новой челобитной от иноков. Собор не мог уже замалчивать бунт Соловецкого монастыря и предпринял ряд административных мер к его ликвидации. Некоторые монахи были вызваны в Москву для личного допроса, а в Соловки командирован ревизором архимандрит Ярославского Спасского монастыря Сергей с повелением от лица Собора к послушанию, а если не покорятся – будут преданы анафеме и «жестоко наказаны» царём. Монахи не приняли архимандрита

Сергия, а на угрозы отвечали, что оставят монастырь и уйдут в пустыню, но не покорятся.

В 1667 г. Москва сменила Варфоломея на нового игумена, Иосифа, но его также не приняли, а на имя царя отправилась новая петиция «О вере» – ультиматум: «Не присылай, государь, напрасно к нам учителей, а лучше, если изволишь книги менять, пришли на нас свой меч, чтобы переселиться нам на вечное житие». Казначей Геронтий написал и послал в сентябре 1667 г. пространное исследование мотивов старообрядческого восстания, этот текст стал манифестом раскола. Геронтий вещал: близится кончина мира, повсюду в христианском мире идёт отступление за отступлением, а главные отступники – греки, нельзя идти за ними и т. д. Геронтий и живший на покое архимандрит Саввина Звенигородского монастыря Никанор, человек книжный и характера твёрдого, келарь Азарий и служка Фаддей встали во главе смуты.

Царь написал увещательную грамоту, но всё было напрасно. Бунт разгорался, как повествует старообрядческая песня XVII в. «Осада Соловецкого монастыря»:

*Да Господь Бог прогневился, государь-царь воспалился,
Выбирал-то наш государь-царь боярина большого,
Из большия из породы, из породы Салтыковы,
Монастырь разорити, старую веру порудити,
Старые книги изодрати,
Старые книги изодрати, во сине море потопити,
И Зосима и Саватия соловейских
чудотворцев монастырь разорити
И всех старцев прирубити.*

Время было тяжёлое, миндальничать государю было не с руки: «... достаточно перечислить мятежи Алексеева времени, чтобы видеть эту силу народного недовольства: в 1648 г. мятежи в Москве, Устюге, Козлове, Сольвычегодске, Томске и других городах; в 1649 г. приготовления к новому мятежу закладчиков в Москве, вовремя предупрежденному; в 1650 г. бунты во Пскове и Новгороде; в 1662 г. новый мятеж в Москве из-за медных денег; наконец, в 1670-1671 гг. огромный мятеж Разина на поволжском юго-востоке, зародившийся среди донского казачества, но получивший чисто социальный характер», – писал Василий Ключевский. Однако тяжело было московскому правительству пустить в ход оружие против священных стен монастыря. Было решено вести осаду, взять бунтовщиков измором.

В это время московское правительство совершило ещё одну, гораздо более тяжёлую ошибку, исключившую возможность мирного урегулирования конфликта: распорядилось конфисковать вотчинные земли и угодья монастыря.

А монастырь-то был богат! Хотя старцы и твердили, что «Соловецкий монастырь место не вотчинное» (вотчинными тогда называли обители, которые сеяли хлеб для себя и на продажу) и «орамых» (то есть пахотных) угодий не имеет (что было правдой), обители было что терять. «Завести хлебопашество за студёным климатом на Соловецком острове невозможно, ибо и огородных овощей (кроме одной репы) не родится; капуста же, лук, чеснок, огурцы и прочая овощь покупается в городе Архангельском привозное из Вологды», – прибеднялись монахи.

Однако известно, что Соловецкий монастырь был мощнейшим приполярным промышленником. Георгий Георгиевич Фруменков в книге «Соловецкий монастырь и оборона Беломорья» пишет: «Редко и неохотно иноки сообщали, что расположенный «во отце окиана-моря» монастырь имеет «морские пожни», а на берегу сеется «самая малось» ржи и жита, как тогда называли ячмень. В начале XVIII в. зерновые сеялись в десяти усольях и в трёх монастырских службах, но ни одно соловецкое хозяйство всё же и вправду не могло прожить без привозного хлеба. Зато в своих обширных владениях монастырь добывал в большом количестве соль, рыбу, тюлений жир, слюду, организовал выплавку железа, завёл кожевенные избы, поташные заводы, всевозможные мастерские, включая оружейные, изготавливавшие холодное оружие.

Но основным занятием монастыря в XVI-XVII вв. было солеварение, широко распространившееся на Севере с XII в. На 50-ти монастырских соляных варницах было занято в отдельные годы более 800 постоянных рабочих и 300 временных. В конце XVI в. монастырь ежегодно продавал около 100 тыс. пудов соли, а в первой половине XVII в. вывозил на внутренние рынки 130-140 тыс. пудов соли в год. В первой половине XVII в. монастырь получал за пуд соли 10-11 коп., а с конца XVII-начала XVIII вв. в связи с введением соляной пошлины средняя цена на пуд соли поднялась до 15-16 коп.» Соловецкие настоятели не без гордости заявляли, что монастырь «питается соляными промыслами». Соловецкий монастырь имел в то время 5430 крестьянских, бобыльских и половнических душ мужского пола. Только в Кольском и Двинском уездах (Сумский и Кемский остроги с окрестностями и Шуерецкая волость) монастырю принадлежало 3648 душ мужского пола.

В ведомости приведен и полный перечень денежных и натуральных повинностей «сирот монастырских». «По монастырским издревле определениям» с крестьян взимался денежный оброк, подымные и другие подати, составлявшие, в общей сложности, около 500 руб. в год. Кроме налогов, крестьяне поставляли «для исправления разных работ» летом (лето продолжалось с 1 марта до 1 октября) плотников и подсобников, зимой (с 1 октября до 1 марта) чернорабочих для возки сена, дров и т. д. О тяжести такой повинности дают представление следующие цифры: крестьяне давали в летнее время 22 плотника и 66 подсобников, а в зимние месяцы – 38 рабочих людей. Ничего, кроме питания, они не получали. Помимо этого, крестьяне должны были бесплатно работать на монастырских мореходных ладьях и привозить «в питомство монашествующим и трудникам хлебные и харчевые припасы», а также развозить продовольствие по уолям и службам. В их же обязанность вменялось «на зимовье поднимать ладьи и по весне лесом нагружать их». Своим инвентарём на своих лошадях крестьяне обрабатывали монастырскую пашню в приписной Муезерской пустыни, убирали и молотили хлеб, заготавливали дрова, косили сено».

И вот, в пору наивысшего хозяйственного преуспевания Соловецкого монастыря, правительство нанесло по экономике хозяина Поморья чувствительный удар. В 1667 г. «за непослушание» старцев и нежелание признать политическую и церковную централизацию указом царя были конфискованы и переданы государству «Соловецкого монастыря вотчинные села и деревни, и соляные и всякие промыслы», расположенные на побережье.

В 1668-м на Соловки прибыли царские полки. Сначала осада монастыря шла вяло, с перерывами – правительство рассчитывало уладить конфликт мирно. В летние месяцы стрельцы высаживались на Соловецких островах, блокируя их, прерывая связь монастыря с материком, а на зиму съезжали на берег – отдыхать. А двинцы и холмогорцы вообще разъезжались по домам: родные хаты рядом. Да и государству так было выгодно – не нужно кормить лишние рты целую зиму.

Государь гарантировал прощение каждому участнику восстания, добровольно явившемуся с повинной. Первому из командующих, Волохову в 1668 г., а затем Иевлеву в 1672-м, даны были инструкции: «потеснить», но не штурмовать и «не стрелять по ограде». Фактически это была не осада, а блокада, продуктивное снабжение монастыря было урезано, но не перекрывалось полностью. Тем более, иноки заранее хорошо запаслись,

все амбары были полны хлебом. А ещё монастырь располагал 90 пушками, 900 пудами пороху и множеством ядер. В 1670 г. бунтовщики первые начали стрельбу по царским войскам. Архимандрит Никанор ходил по стенам и башням, кропил святой водой и кадил пушки, приговаривая: «Матушки-голаночки, вся надежда у нас на вас. Вы нас обороните!»

Не все из братии были готовы броситься в бой, в том числе и Геронтий. Но в 1672 г. монастырь стал прибежищем для уцелевших бойцов разгромленных отрядов Степана Разина, включая атаманов Фёдора Кожевникова и Ивана Сарафанова, которые практически захватили монастырь. Они и стреляли. Со стороны царских войск не раздалось ни одного ответного выстрела.

Только в 1674 г. воевода Иван Мещеринов получил указания начать активные военные действия:

Как по Божию изволению, по цареву пове<ле>нию

Подымалась погода с полуденная страны,

Тонки парусы подымали, по синю морю бежали,

Подбегали под монастырь.

Они якоря бросали, корабли все становили,

Они учили стрелять во пиченой да во монастырь,

Устрелили на престоле чуден образ.

Уже вси старцы испугалися, во одно место сбежалися...

Однако в октябре грянули невиданные для этой поры года холода и вынудили Мещеринова отступить. Осаду сняли, войска ушли на зимовку. Кстати, существует гипотеза, что русские военачальники и служивые люди якобы под разными предлогами уклонялись от атаки Соловецкого монастыря и вместо них под руководство Мещеринова были переданы иностранные рекруты. Известный в те времена дьякон Игнатий Соловецкий утверждал, что рать, осаждавшая обитель, состояла из «немцев и поляков, истинных латынцев». Версия эта хоть и приятна многим, кто всё ещё винит во всех бедах Государства Российского царей и их «сатрапов», якобы постоянно гнобивших русский народ с помощью иностранных наёмников, никаких документальных подтверждений не имеет.

7-го января 1675 г. (28-го декабря 1674 г. по старому стилю), на сходке участников восстания в Соловецком монастыре было принято решение не молиться за царя. Среди зачинщиков «нововведения» были, в основном, «лихие люди» из разинцев и прочие бродяги. Монахи и сами уж были не рады, что дали

приют и пристанище столь разгульной публике, да было поздно. Всех несогласных «новое руководство» монастыря изгоняло или заключало в монастырскую тюрьму.

Летом 1675-го военные действия усилились: с 4 июня по 22 октября потери только хорошо вооружённых и подготовленных осаждавших составили 32 человека убитыми и 80 человек ранеными. В конце мая 1676 г. Мещеринов явился под монастырь с 185 стрельцами. Соорудили 13 земляных городков (батарей) вокруг стен, начали рыть подкопы под башни. В августе прибыло пополнение в составе 800 двинских и холмогорских стрельцов. 2 января (23-го декабря старого стиля) 1677 года Мещеринов сделал неудачный приступ к монастырю, был отбит и понёс потери. Рассерженный неудачами воевода принял решение о проведении круглогодичной блокады.

Трудно предположить, сколько ещё времени длилась бы осада (которая и так тянулась восемь лет) и как бы завершилась, если бы монахи сами не пожелали бы её окончания в пользу властей. Ведь воевать соловецкие бунтовщики и даже монахи умели, запасами продовольствия обладали обширными. «Своеобразием географического местоположения Соловков монахи обосновывали необходимость военизации монастыря и создания в нём постоянных запасов оружия, фуража и продовольствия. В монастыре должно «быть непременно в запасе хлебных припасов годов на десять, или хоть, по крайней мере, на пять», – доказывал один из его архимандритов. Соловецкий монастырь, выросший, по образному выражению некоего монаха-книжника XVI века, «в Русской Земле в Сиверной стране, на концы вселенная» в непосредственной близости от шведско-датской границы, периодически подвергался агрессии со стороны «окружных языков» – северо-западных соседей Руси. Борьба с «каянскими немцами» (так в старину называли жителей современной Финляндии – по имени города Каяна) была неизменным спутником соловецкой истории вплоть до начала XVIII в. Как «украинный» и «порубежный» пункт, монастырь вынужден был одновременно с покорением суровой природы отбивать атаки посягавших на Поморье внешних врагов, которые не давали покоя русским людям, мешали им мирно жить и трудиться здесь, хотели отнять у нашего государства выход в Студёное море, – пишет Фруменков. – Напряжённое положение на границе заставило Соловецкий монастырь побеспокоиться, прежде всего, о своей личной безопасности. Помимо этого, монастырь должен был принять меры к защите Беломорского края, так как начавшаяся ещё в

середине XV в. колонизация монастырем западного поморского берега к исходу следующего столетия завершилась».

Однако монахи сражаться с государевым войском уже не хотели. Утратив власть над ситуацией, бессильные перед разинцами и стрельцами, наводнившими монастырь, монахи решили бороться не с осаждавшими, а с теми, кто захватил обитель изнутри. Ещё в конце 1673 г., когда мятежниками было решено «за великого государя богомолье оставить», иеромонахи и священники отказались это делать. Их бросили в тюрьму на голодовку. Начались разногласия, потянулись по льду перебежчики в царский стан.

К тому же в монастырь пришла цинга. Умирала во множестве, без причастия, хоронились без чинного отпевания.

Наступил решительный момент. 18-го января 1677 г. чернец-перебежчик Феокист открыл Мещеринову, как проникнуть в монастырь из оврага Онуфриевской церкви, и взялся провести стрельцов через окно, расположенное под сушилом у белой башни. Феокист явился к Мещеринову послом доброй воли, однако позже старообрядцы нашли для его поступка оправдание – мол, не по своему хотению он «сдал» тайну обители:

*Захотел-то ведь, деревяга,
В святом озере он купаться,
По верёвкам через стену ту опускаться;
Ище пал этот грешник
Он на сыру-то землю,
Он сломил свою праву руку,
Извихнул свою леву ногу.
Тут пришёл к ёму воевода*

(Кстати, в песне воеводу кличут не Мещеринов, а Пещерский, видимо, Мещеринов превратился в сказаниях сначала в Мещерского, а затем в Пещерского – Н. Л.):

Ты скажи-ко нам сущу правду.

Покалеченный «дервяга»-де и вынужден был указать лаз...

Идти нужно было за час до рассвета: в это время происходила смена караула, оставалось только по одному человеку на башне и стене. Тёмной снежной ночью 1-го февраля полсотни стрельцов во главе с Мещериновым, вслед за Феокистом подошли к окну, назначенному для ношения воды и слегка за-

деланному кирпичами. Лаз разломали, стрельцы вошли в сушильную палату, добрались до монастырских ворот и отворили их. Защитники монастыря проснулись слишком поздно. Человек тридцать оказали сопротивление: бросились с оружием на стрельцов, но погибли в неравном бою, ранив только четырёх противников. Монастырь был взят. Насельников, заключённых мятежниками в монастырскую тюрьму, освободили, не причинив им вреда.

Хотя бунт Соловецкого монастыря начали монахи, не согласные с никоновой реформой, к окончанию осады суть «соловецкого сидения» совершенно изменилась: к моменту захвата обители царскими войсками в ней почти не осталось её исконных жителей – монахов. Большая часть братии покинула стены обители, часть была изгнана мятежниками либо посажена в монастырскую тюрьму.

После короткого разбирательства на месте предводители мятежников Никанор и Сашко, а также 26 других активных участников мятежа были казнены, прочие же разосланы в Кольский и Пустозерский остроги.

Фактом сопротивления Соловецкого монастыря властям не замедлили воспользоваться в своих целях старообрядцы. Наиболее известным произведением старообрядческой литературы на эту тему является «История об отцах и страдальцах Соловецких иже за благочестие и святые церковные законы и предания в настоящее времена великодушно пострадаша» Семёна Денисова, созданная в XVIII в. Конечно, автор представил факты в том свете, в каком ему было выгодно: несчастные «отцы» терпят от царских сатрапов жестокие мучения:

*Всех монахов прирубили,
В сине море-то пометали,
Над игуменом наругались:
Речист язык у его отрежут;
Через ночь было тако чудо –
Он ведь сделался весь здоровой;
Они взяли его убили –
Как Небесно Царство купили.*

И прочие «страдальцы» (так завуалировал беглых каторжников Денисов), погибают геройски: «И различно испытав, обрете во древлецерковнем благочестии тверды и не превратны, зельною яростию воскипев, смерти и казни различны уготовав:

повесити сия завета, овыя за выю, овыя же и множайшия междеребрия острым железом прорезавше, и крюком продевшим на нём обесити, каждаго на своём крюке. Блаженнии же страдалыды с радостию выю в вервь вдеваху, с радостию ноги к небесным тещи уготовляше, с радостию рёбра на прорезание дающе и широчайше спекулятором прорезати повелевающе».

Некоторые позднейшие интерпретаторы тех событий, передёргивая факты, сообщали о сотнях убитых: «В самой обители произошёл жестокий бой. Было много убитых. Многие казнены, многие сосланы в другие монастыри и крепости. Часть раскольников бежала в Поморье, где они распространили раскол, увенчивая гибель мятежников мученическим венцом, как пострадавших за правую веру» (Из исторического очерка Анны Гиппиус). На самом деле подвергнутых наказанию было гораздо меньше – эти надуманные «ужасы царизма» из того же разряда, что и «сотни тысяч кровавых жертв» Ивана Грозного.

Сообщения же о сотнях казнённых бунтовщиков были подвергнуты критике и в церковной и, в исторической литературе – ведь даже в старообрядческих синодиках упоминается не более 33-х имён «страдальцев Соловецких».